

Известия 27.1.60.

ТЕАТР

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СЧАСТЬЕ

ПОЧЕМУ с таким успехом идет в театре имени Евг. Вахтангова «Иркутская история»? В чем тут причина? В самой ли пьесе А. Арбузова, или в режиссуре Евг. Симонова, или в актерском исполнении — в спектакле заняты Ю. Борисова, Н. Плотников, М. Ульянов, Ю. Любимов? Можно подробно ответить на все эти вопросы и все-таки не передать главного — того, что составляет действительную ценность постановки. Не передать потому, что ценность эта особенно отчетливо и полно выражается именно в единстве усилий. Тут театр добивается победы не вопреки драматургу, а драматург торжествует потому, что театру близки его устремления.

Однако это не значит, что постановка вахтанговцев канонична и обязательна для всех, кто собирается ставить «Иркутскую историю». Скорее наоборот — в работе настолько ясно проявились манера и стиль драмного коллектива, что всякое подражание заранее обречено на неудачу.

Автор «Иркутской истории» Алексей Арбузов не боится показаться сентиментальным. В его новой пьесе немало мест и ситуаций, которые вполне откровенно рассчитаны на чувствительность сердца зрителя. Вот душным летним вечером тоскует одинокая женщина, с горестным недоумением вопрошая: «Тридцать четыре... Разве это так много? Неужели прошла жизнь, а?..». А другая героиня, прозванная в пьесе «Валюха-дешевка», идет после невеселого свидания домой, и автор бередит ее душу рассказом о чужом счастье: «У твоего дома играют дети, стриженые, смешные. Вот один занавыл палец, другой рассматривает жука, а третий дал четвертому подзатыльник. Ты идишь мимо, и ни один не крикнет тебе «кама!».

Когда же и Валентина обретает радость, ей не оставляют эту радость надолго. Муж Вали, Сергей, неожиданно и трагически гибнет. «Если бы я знала, что случится беда, я схватила бы его и не выпустила... Но я не знала — ведь было совсем обыкновенное утро, и только очень жарко было... жарко-жарко». Так вспоминает молодая женщина о страшном для нее дне. И мы видим этот день, видим нежное прощание жены и мужа, и перем наши напряжены, а сердце дрогнуло от жалости, ибо сидящие в зале знают, что пройдет миг — другая, и Сергей, так полюбившийся всем Сергеем, утонет в Аягаре, спасая жизнь незнакомым детям. Он утонет, а Валя останется с двумя близнецами и в тихой комнате будет вспоминать недолгое свое счастье.

Автор очень жалеет, очень сочувствует, а иногда даже и умиляется происходящим, и эту умиленную нотку театр не только подчеркивает, но порой и усиливает. Вспомните только интермедии у родильного дома, когда Сергеем вручают его близнецам. Все здесь как будто предельно естественно — и радость молодого отца, и его смущение, и неловкость, и торжественность этого незабываемого момента. Однако все показано, вплоть до чинного шествия друзей с поздравительными подарками, имеет своей целью не только выразить сущность события, но и предпослать его нам.

Это явное желание театра несколько «подать» происходящее заставило его переосмыслить такое действующее лицо пьесы, как Хор строителей. У Арбузова Хор — такие же, как и герои, парни и девушки, и автор как бы подчеркивает этим слитность, неразрывное единство главных и второстепенных персонажей. У вахтанговцев Хор воспринимается не как необходимость, а скорее как эффектный режиссерский прием. Одетые в концертные костюмы, молодые люди никак не похожи на товарищей Вали, Ларисы, Сергея, они не соединяются в нашем сознании с героями «Иркутской истории». На одной стороне висит десятирублевый пятачок, а на другой, несмотря на весь свой внешний пафос, — все-таки репертурные актеры.

Можно привести немало и других примеров, более или менее осязимо свидетельствующих о желании режиссера рассказывать «Иркутскую историю» в тонах, отмеченных не столько бытовой достоверностью, сколько в манере условно-романтической. Для театра это действительно история — история в прошедшем времени, которую постановщик и герои уже пережили. Это не значит, конечно, что она и теперь не потрясает, не волнует их, но время смягчило боль, и на первое место выступили не сами события, но нравственный и моральный их смысл.

Однако имеет ли такая трактовка почву в самой пьесе? Да, несомненно. Ведь и для автора главное заключено не столько непосредственно в сюжете произведения, сколько в размышлениях по поводу него. Сам же сюжет даже банален. Девушка с незавидной репутацией гуляет с парнем, гуляет просто так — весело проводит время. Потом в эту девушку, ласкающую магазин, влюбляется лучший друг ее возлюбленного — сменный мастер пятакового экскаватора Сергей. Она выходит замуж за Сергея, и только тогда ее бывший дружок начинает понимать, что упустил свое счастье. Он мучается и страдает, однако вернуть прежнее уже нельзя — Валя любит Сергея и верна памяти мужа даже после его смерти.

Так что же, могут спросить нас, «Иркутская история» — пьеса о любви? Да, о любви. Но не о той «любви», весь смысл которой, как это нередко случается в так называемых «бытовых» пьесах, исчерпывается тем, что вот она его любит, а он ее нет и что из этого получается. Любовь в арбузовской пьесе — то большое, сложное и высокое чувство, которое всегда заключает в себе и определенный гражданский смысл, и ясный этический урок. Как ни парадоксально это звучит на первый взгляд, но интимнейшие переживания Сергея важны не только ему самому и его возлюбленной. Для всех окружающих они пример и образец такого прекрасного, уважительного и бескорыстного отношения к человеку, что оно не может не найти отзвука в сердцах.

Именно такие «масштабы переживаний» и позволили драматургу органически включить в свое повествование множество других мотивов. Впрочем, «включить» — не совсем верное слово. Всевозможные мотивы и темы сами возникали в «Иркутской истории», как только герои ее начинают жить, действовать, мечтать, думать.

Последнее особенно важно и существенно, прежде всего для зрителя. Им неинтересен театр, в котором мало эмоций, в котором уровень размышлений людей XX века не выходит за пределы самоуверенного посредственности. В «Иркутской истории» мы тоже не встречаемся с людьми особенными в смысле их профессии или занимаемого положения, однако ощущение значительности персонажей не покидает нас на протяжении всего спектакля.

Пожалуй, именно это свойство его и является тем главным, что определяет работу и режиссера, и исполнителей. Они все очень точно сознают важность и интерес того, что происходит на сцене, и эта их увлеченность с лихвой покрывает и некоторую сентиментальность, и некоторую парадность происходящего. Не то, чтобы их не видели или что-то высокомерно прощались театру, но просто это действительно не главное, а главное несут в себе Борисова и Ульянов, Плотников и Коровина, режиссер спектакля Евг. Симонов и художник И. Сумбатовский.

Это он поместил героев «Иркутской истории» в предельно конкретную и в то же время обобщенно-романтическую обстановку. Конкретен добротный деревянный браник, где живет экипаж «пятакового», конкретны железные, но солдатски скромно и аккуратно, сбалансированные койки ребят, конкретна неумудренная обстановка комнаты Сергея и Вали. Но зато откровенно условен и театрален огромный, протянувшийся из глубины сцены прямо на публику стол, за которым не просто справляют свадьбу, но празднуют нравственное возрождение человека. И удивительно чувствуется Аягар, и сам «пятаковый», право же, как живой, присутствует на сцене. Присутствует не как деталь, позволяющая определить время действия, но как нечто очень важное и существенное для всех героев «Иркутской истории».

И тут мы подошли к одному из тех «мотивов», которые включает в себя любовная коллизия пьесы. Мотив этот — труд, трудовая принадлежность людей. Она не имеет ничего общего с так называемой «производительной темой», о которой весьма любят рассуждать не только критики, но и писатели. Производительная тема, как правило, присутствует в произведении сама по себе, никак не влияя ни на характеры людей, ни тем более, на их личную судьбу. В «Иркутской истории» никто из действующих лиц не стал бы тем, что он есть, исключи из его жизни его работу. Ведь недаром именно Сергей, настоящему, а не номенклатурному положительному герою, придают в голову удивительные слова: «Что человеку для счастья нужно? Чего дело его было хоть чуточку лучше, чем он сам... Если человек настоящее дело выполняет, нужное дело, — он и сам от него становится лучше, чем был».

Любовь Сергея к Валентине никогда не превратилась бы в предельный базис для этой женщины, не соединилась в ней с любовью мечты о лучшей, более честной и чистой жизни, мечты, которую завожил Сергей. Тут дело, конечно, не в том, что она стала честной, «замужней», а в перемене мироощущения. Именно поэтому «Иркутская история» не кончается со смертью Сергея. И автор, и мы вместе с ним обязательно должны знать — что же случится с Валентинкой? Заполнится ли ее жизнь тем делом, которое чуточку лучше ее самой, и придет ли это дело подлинный смысл ее существования? Ведь именно к такому «переемственному состоянию» и вела любовь Сергея...

Режиссеру и актерам вахтанговского спектакля принадлежит большая честь создания образов наших современников — образов, сильных не только своей реальностью, но и романтической приподнятостью. Именно поэтому так органичны в устах героев слова о коммунизме, о коммунистическом будущем. Они, эти слова, стали для них «своими», особенно для Н. Плотникова — Сердюка и М. Ульянова — Сергея.

Сцена наша ждала таких героев, такого рассказа об их жизни. Без предвзятости и заранее выработанных представлений, но со вниманием и заинтересованностью всматривается автор в окружающий мир, и это позволяет ему увидеть закономерности его развития и движения. Арбузову удалось то, к чему стремятся многие наши драматурги, пишущие о современности. Он показал, что в наше время коммунизм строится не только в котлованах гидростанций, но и в сердцах людей. Именно об этом и рассказывает «Иркутская история».

Н. ЛОРДКИПАНИДЗЕ.